

МОТИВЫ И ФОРМЫ ПРОЩАНИЯ С ЖИЗНЬЮ У ИРАНОЯЗЫЧНЫХ НАРОДОВ В ДРЕВНОСТИ

MOTIFS AND FORMS OF LIFE'S FAREWELL OF THE ANCIENT IRANIAN PEOPLES

ESKİ İRANLI HALKLARDA HAYATA VEDANIN MOTİF VE FORMLARI

Людвиг Алексеевич ЧИБИРОВ*
(Prof. Dr. Lyudviğ Alekseyeviç ÇİBİROV)

РЕЗЮМЕ

В древних религиях одряхление и смерть боготворимого царя воспринимались как реальная угроза жизнеспособности всего коллектива людей.

У индоевропейских племён (скифы, массагеты) отцеубийство существовало как законенное явление. Со временем обычай смягчился, но немощные старики у алан не пользовались почтением, о чём убедительно свидетельствует нартовский эпос (сказание «Пир Урузмага» и др.).

В честь бога войны Ареса скифы приносили в жертву пленных; им отрубали правое плечо и бросали прочь (Геродот). Обычай унаследовали сарматы и аланы, нашёл широкое отражение в устном народном творчестве (сказания, сказки, песни) и традициях осетин.

Самое большое достижение в жизни скифа – отрубание головы врагу – нашло непосредственное отражение в нартовском эпосе и в лексике осетинского языка. Мы находим в сказаниях и унаследованные со скифских времён обычай скальпирования, использование черепов в качестве чаш и др.

Приведённые выше примеры из архаики – излишнее свидетельство этногенетической, преемственной связи, идущее от далёких скифов до современных осетин.

Ключевые Слова:

Отцеубийство. Судьба стариков. Жертвоприношение. Пленные. Правая рука. Отсечение головы. Чаша.

* Rusya Bilimler Akademisi V. İ. Abayev Kuzey Osetya İnsan ve Toplum Araştırmaları Enstitüsü Etnoloji Bölümü - Vladikavkaz / RUSYA FEDERASYONU

ABSTRACT

In ancient religions, decrepitude and death of revered king perceived as a real threat to the viability of the whole people.

Indo-European tribes (Scythians, Massagets) existed as a parricide institutionalized phenomenon. The custom relented, as the time passed, but the frail elderly have not enjoyed the respect Alan, what is convincing evidence Nartovian epic (story "Uruzmag's Feast" etc.).

In honor to the war god Ares Scythians sacrificed prisoners of war, they cut off his right shoulder and thrown away (Herodotus). The tradition inherited Sarmatians and Alans, widely reflected in the oral folklore (tales, fairy tales, songs) and the traditions of the Ossetians.

The biggest achievement in life Scythian – cutting off the head to the enemy – has found a direct reflection of the epic Narta Sage in the Ossetian language vocabulary. We find in the legends and legacy from the time of the Scythian scalping custom, the use of skulls as bowls, etc.

The above examples of archaic – evidence of excessive ethnogenetic, continuity of communication, from the far-reaching of the Scythians to the modern Ossetians.

Key Words:

Parricide. The fate of the elderly. Sacrifice. Prisoners of war. Right hand. Beheading. Bowl.

В древних религиях высоко котиrowался царь, наделённый сверхъестественными способностями. Одряхление и смерть царя-богочеловека воспринимались как реальная угроза жизнеспособности всего коллектива людей. Чтобы облегчить уход одряхлевшего, вместо него избирали псевдоцаря, которого предавали смерти вместо настоящего. Точно так же поступали скифы – болезнь скифского царя влекла за собой смерть другого человека.

У тех же скифов счастливым считался тот, кто испускал дух в сражении; немощного убивали, издевались над ним. По свидетельствам Плиния и Помпея Мела, от стариков требовалось покончить собой, бросившись в море с некоей скалы. Обреченного на смерть старца выводили за ворота и убивали, или же спускали с моста. Отцеубийство совершалось у них по закону. Один скиф в Афинах сбросил 60-летнего отца с моста, и его обвинили в отцеубийстве. Он говорит, что сделал это по обычаю своего племени (Латышев 1949: 991). Жестоким насмешкам подвергали того, кто умирал от случайных болезней. Родственные скифам массагеты совершали ритуальное убийство стариков. «Никакого предела для жизни человека они не устанавливают. Но если кто из них доживет до глубокой старости, то все родственники собираются и закалывают старика в жертву... Так умереть – для них величайшее блаженство» (Геродот I 1972: 216). Недостойных же такой высокой чести хоронили в землю. Отдаленный отзвук этого дикого нрава слышен и в нартовском эпосе. Принеся отрубленную правую руку врага, нарт обращается к

матери: «Ты разговей ею свой долгий по мне *барысчыи* (т.е. пост)» (Вариант о нарте 1925: 106).

В аланское время обычай смягчился: стариков больше не убивали. Согласно одному фольклорному материалу, когда на глазах обреченного на сбрасывание со скалы отца сын плёл корзину, отец посоветовал сыну сплести еще одну, которая в нужное время понадобится самому. Это предложение всерьез заставило задуматься сына, и он отказался от затеи. Однако немощный старик не пользовался у алан почтением, какие бы заслуги у него ни были перед обществом. «По давним традициям алан, – пишет Г. Рид, – не существует никаких упоминаний об их великом вожде с тех пор, как он более не мог командовать на поле боя, никаких посмертных речей – просто безмолвный уход в забвении» (Рид, 2005: 237). Характерна для примера судьба Гоара – военного вождя и предводителя части алан, обосновавшихся после распада гуннского племенного союза (V в.н.э.) в районе г. Орлеана. Г. Рид считает Гоара историческим прототипом легендарного героя, короля Артура. В действительности Гоар успешно управлял аланами в течение 44 лет. Будучи талантливым военным предводителем, он ни разу не терпел поражения в битвах. За свои выдающиеся заслуги был причислен к лику святых католической церковью; его имя до сих пор носят небольшие города во Франции (Сент-Гоар) и Германии (Гоар-Хаузен). С течением времени, когда Гоар состарился, и силы пошли на убыль, его заставили отречься, заменили более молодым Сангибаном, и о нем... практически забыли. Многие народы управлялись Советами старейшин, а аланы презирали своих старших. «Здесь нет уважения к мудрым старцам, присущего кельтским и германским сказаниям», – восклицает Рид (Там же). Когда же Гоар скончался (450 г.), его похоронили как рядового алана, даже пару слов не сказали на похоронах о его больших заслугах перед родичами (Там же: 237, 244). Приведенное выше – свидетельство сильной приверженности алан к старым обычаям, которые со скифских времен смягчились, но сохраняли свой суровый характер.

Нарту, достигшему старческого возраста, устраивали последний пир. Такой пир устроили нарты своему старейшине, мудрому Урузмагу, в его доме. Сам Урузмаг возглавил застолье, наелся и выпил вдоволь. Когда он вышел во двор, большой орёл запустил свои когти в старую шубу Урузмага и унёс его. Старик плакал и стонал, приговаривая: «О старости моей узнали даже и орлы-стервятники и стали надо мною шутить; что я сделал Богу, почему меня постигло это несчастье?» (Пир Урузмага 1927.С.8). В другом сказании, опасаясь бесславного конца, Урузмаг решил приблизить день своей смерти. Собрав нартов на ныхас, он сказал им: «С детства и до самой старости все силы разума своего отдавал я вам. Теперь я состарился, и старая моя голова стала для вас обузой. Потому прошу я вас: сколотите большой и крепкий сундук, положите меня в него и бросьте в море. Нельзя мне быть похороненным на кладбище нартов» (Осетинские нартовские сказания 1948: 60–61). Нарты сколотили сундук (варианты – зашили в шкуру быка, посадили в плетеную корзину и скатили с обрыва), положили туда Урузмага, дали ему на неделю еды, плотно закрыли и бросили сундук в море. В адыгском эпосе после предсмертного пира от неминуемой гибели нарта Узурмеса спасает Сосруко; он раскидал нартов, а Узурмеса выбросил из окна и отправил к Сатане. Судя по сказанию, после этого инцидента и был отменен обычай (Шортанов 1982: 208).

Убийство стариков происходило не из нелюбви и неуважения к старшему поколению. Оно было вызвано тяжелыми условиями кочевого образа жизни, когда больные и немощные старики становились обузой при непрерывных передвижениях и боевых столкновениях со всеми вытекающими негативными последствиями; лишение старожил жизни становилось объективной необходимостью (Там же).

У соседних народов ритуальное убийство одряхлевшего предводителя сохранилось в адыгских нартовских сказаниях и совершалось также на специально организованном пиршестве (Гутов 2009: 47). У них же обязанность сбрасывать своего отца с горы лежала, как и у осетин, на сыне (по-видимому, во избежание преследования, кровной мести).

Там, где такое суровое отношение сложилось у алан к жизни собственных родителей, нетрудно представить насколько жестоко могли обращаться с недругами эти дети эпохи военной демократии. Следует помнить, что это было время, когда ценилась лишь физическая сила, когда человеческая жизнь ни во что не ставилась. Просто убить человека, лишить его жизни не имело никакого эффекта. Казнить его снесением головы или отсечением правой руки, или же ударом меча лишить его части черепа – вот действия, которые котировались в обществе, подчеркивали храбрость и неукротимость воина, его мужество.

Важнейшие органы на теле человека – руки – несут неодинаковые по степени сложности и важности функциональные нагрузки; различия и их религиозно-мифологическое значение. Исходя из биологической основы, значимость и практическая деятельность рук – самых активных элементов человеческого тела – разная, и клонится в пользу правой руки. Сопоставление правой и левой рук идёт от древности, и было присуще многим народам, в том числе осетинам.

Интерес к правой руке был особый. Правой рукой мужчина держал меч, убивал врага. Именно правой рукой держал рог осетин, вознося молитву, где бы он этого ни делал; именно правой рукой он дотрагивался до надочажной цепи и молился покровителю путника Уастырджи, если собирался в дальнюю дорогу. Во имя защиты от козней злых сил, в дни празднования Тутыр, детям пришивали красные крестики именно на правой стороне рубашки. Примеры можно продолжить.

Дом делился на правую (мужскую) и левую (женскую) стороны; при этом особое значение имела мужская половина. Здесь восседали старейшины, принимали пищу, возносили молитвы и т.д. Левыми же считались непутёвые, шаловливые, непослушные младшие (галиу), всякие неприличные действия.

Правая рука человека – десница – активная. Ею совершаются наиболее сложные трудовые и боевые операции. Только по необходимости приходит ей на помощь левая рука, но по качеству выполненной работы левая значительно уступает правой.

По большому счету, правая рука – и кормящая, и наступающая, и одновременно защищающая сила. В определенной степени руки человека можно сопоставить с братьями – старшим и младшим. Когда младший брат подросток, старший выполняет роль опекуна; на нём лежат все функции добывания средств существования, защиты от нападения и т.д. При этом, младшие должны во всём слушаться старших и прислуживать им, находиться в зависимом от них положении, быть исполнителями их воли. Они бесправны, подвластны, к их голосу не

прислушивается никто. Как установлено В.И.Абаевым, на сакском языке младший (*кастæр*) означало еще и ничтожный (Абаев 1949: 589).

Другое отношение в семье и обществе к младшему, но уже взрослому брату. На общественных пиршествах он уже достаивается плечевой кости (*базыг*), что, по сути, означает дарить ему правую руку – десницу. Таково отношение к правой руке, в равной степени и предельно почтительное, и предельно оскорбительное, унижительное для личности человека.

В честь бога войны Ареса скифы, наряду с закланием животных, убивали пленных: «Из каждой сотни пленников обрекают в жертву одного человека, но не тем способом как скот, а по иному обряду. Головы пленников сначала окропляют вином, и жертвы закалываются над сосудом. Затем несут кровь на верх кучи хвороста и окропляют ею меч (Ареса. – Л.Ч.). Кровь они несут наверх, а внизу у святилища совершается такой обряд: у заколотых жертв отрубают правые плечи с руками и бросают их в воздух; затем после заклания других животных оканчивают обряд и удаляются. Рука же остается лежать, где она упала, а труп жертвы лежит отдельно» (Геродот IV 1972: 62). Обычай, зафиксированный античными авторами, находит подтверждение и в археологии. В погребениях скифского времени отчлененная правая рука лежала отдельно, рядом с железным мечом. (Русяева 1996: 159–161). В районе г. Николаево, среди скифских древностей была обнаружена скифская антропоморфная стела; на ней изображена правая рука, прижимающая к телу рог (ритон) (Елагина, 1959: 169). Захоронения правой руки археологи обнаружили и в могильниках сарматской эпохи (Прохорова 1993: 49–50). Отчленённая кисть правой руки обнаружена в могильниках, принадлежащих сарматам, жившим на Северном Кавказе (I в. до н.э. – III в. н.э.). В Зубровском кургане (Закубанье) была найдена сарматская золотая фибула рубежа нашей эры. На ней – усатая мужская голова, левее – отрубленная правая рука с предплечьем, сжимающая другую отрубленную голову (Яценко 1992: 78). Отметим также, что женщины, савроматки и амазонки, прижигали свою правую грудь. Нарт Батрадз пригрозил своей матери (Сатане) отрезать у нее грудь, если она не откроет ему убийцу отца. Правая рука высоко котировалась и у скандинавов. Лугайд, персонаж ирландских саг, мстя за смерть своего отца, снес голову Кухулину. Когда же выпавший из руки Кухулина меч отсекает руку Лугайда, последний отрубает правую руку Кухулина (Грисвар 2003: 54–69).

В нартовских сказаниях герой-победитель отрубает у врага правую руку и приносит её в виде трофея своей матери (или тётке). Несколько иллюстраций. В сказании «Как Батрадз отомстил за смерть отца» Батрадз после расправы (отсечения головы противника) рассуждает: «А ведь нарты могут не поверить, что я убил его, и...отрубил правую руку убитого, и принес в нартовское селение. Убедившись в совершённом возмездии, Сатана советует Батрадзу: «Но грешно и не подобает тебе такого человека, как Сайнаг-алдар, отправить в Страну мёртвых с обрубленной рукой». И просила: «Ступай и приложи эту руку к телу. Не в обычае нартов хоронить известных людей в искалеченном виде» (Осетинские нартские сказания 1948: 325–326). Батрадз относит руку в селение Сайнаг-алдара, и погребение его врага состоялось.

Еще один близкий к приведенному выше аналог из эпоса. В одном из вариантов сказаний «Созырько и Тотрадз», находящийся в Стране мертвых Тотрадз просил Владыку мёртвых Барастыра: «Позволь мне отправиться отсюда, чтобы отомстить

Созырыко. Он сильно обидел мою мать». Барастыр отпустил его на сутки. Явившись к матери, он просит у нее доспехи отца и обещает поднести ей правую руку насильника. Тотрадз сразился с Созырыко, убил его, отрезал правую руку и принес матери. Мать сказала: «Да съест *Ана* твои болезни, ты отплатил Созырыко со славою для своего знаменитого рода из Нартов Алимбековых. От нынешнего же дня я перестану тебя оплакивать, – и добавила, – недостойно обращаться с ним как с жертвой, каким бы ненавистным врагом ни был Созырыко, руку надо вернуть, приложить к телу и похоронить, как полагается по обычаю. Он сделал, как велела мать, и после этого оправился в своё место к мёртвым» (Вариант о нарте Созырыко 1925: 105–106).

Вышеприведенному обычаю скифов Геродот противопоставляет аналогичные обычаи соседних народов (не уточняя, каких), которые тоже лишали врага правой руки, но из содранной с вражеских трупов кожи правой руки вместе с ногтями изготавливали чехлы для своих колчанов (Геродот IV 1972: 64). Не является ли это отдаленным напоминанием обычая формы расправы с кровником в старой Осетии – отрубания правой руки или кисти (Цагараев 2000: 242)?

Мотивы отрубания руки врага и принесения её в качестве доказательства отмщения встречаются и в исторических песнях. В песне о Гегки герой приносит отцу убитого Туали руку убийцы, ударяя ею свою голову. В легенде «Ларс и Хуха» в неравной борьбе с грабителями пастух Ларс был убит, а его табун угнан. Узнав об этом, брат сраженного Хуха поскакал к месту происшествия и вступил в смертельную схватку с многочисленными врагами: «Подобно демону смерти носился он среди врагов, и, как подкошенные, падали они один за другим... Табун был отбит, брат отомщен. Крик радости вырвался из груди брата... Только теперь почувствовал Хуха страшную усталость и обратил внимание на свои раны. Он закачался в седле и едва слез с коня. Смерть уже одним крылом коснулась его лица, и, почувствовав её веяние, он собрал весь остаток сил, подошёл к трупу убитого предводителя врагов и отрубил ему правую руку по локоть. Затем он привязал отрезанную руку к седлу своей лошади и ударил её нагайкой со словами: «Ступай и доставь эту руку домой, пусть знают, что Хуха отомстил за брата!» (Ирон таурæгтæ 1989: 368–373).

Правая рука проходит в эпосе как самая драгоценная часть тела: «Пусть бы нарты съели мою правую руку!», – восклицает Сослан, узнав о том, что Уархаг забрал все три чаши (Сказания 1981: 104). В эпосе имеет место эпизод о вывешивании отрубленных рук и голов неудачливых сторожей у нартовского дерева (Цагараев 1997: 138).

И в осетинских народных сказках есть сюжеты об отрубленной у врага правой руке. Согласно нартовскому эпосу, речь идет о тех частях тела, которые специально отрезались у убитых врагов, чтобы лишить их полноценных похорон (циклы Сослана и Батрадза). Обращает на себя внимание и то, что «отрубалась не любая, а именно правая рука грозного воина, способная передать на благо обществу сокрытую в своей сакральной зоне большую силу (Там же: 242). Правая рука и голова считались наиболее ценными трофеями. Совершая жертву в честь бога Ареса, скифы сначала отрезали голову пленного, а затем отделяли правую руку от туловища, поделив тем самым тело на три части: голова, правая рука и туловище. Так же поступали и персы. Как передаёт Плутарх, Артарксеркс также отрезал у своего убитого брата-венценосца Кира правую руку и голову (Грантовский 1981: 73). Такое символическое

расчленение человека на три части некоторые исследователи связывают с тремя космическими зонами модели мира (небо, надземная атмосфера и глубины земли), которые были характерны для иранских народов (Цагараев 2000: 234). Отрубленные части, особенно голова, использовались и в других целях – для приношений и возлияний богам (Геродот IV 1972: 62, 66; Яценко 1992: 78). Уаиг Схуалы убил нарта Бцега, отрезал ему уши и унёс их. Нарты вынуждены были выпрашивать отрубленные части тела Бцега: ведь нельзя же покойника похоронить изуродованным. И лишь после их возвращения, Бцега предали земле (Сказания о нартах, 1981: 307). Из сказанного становится ясно: предки осетин считали большим позором хоронить человека без какой-нибудь части его тела. Прежде всего, это правило распространялось на правые части тела человеческого тела: нога, глаз, лопатка. В одном фольклорном сюжете суровый и грозный Тутьр, разозлившись на завистников, отрывает у них правые глаза и правые ноги (Шарашидзе 2004: 17). А вот к суровому Тыхосту верующие осетины обращались с просьбой покровительствовать новобрачным и вырвать правый глаз и правую ногу тому, кто им завидует (Гатиев, 1987: 164). И на охоте, подстрелив дичь, нарт (по «установкам» Афсати) должен был отдать мясо с правой лопатки (*рахиз сгуы*) первому встречному (Сказания о нартах, 1981: 104). Афсати говорит Сослану: «При удаче на охоте, если убьешь зверя, правую лодыжку отдай первому, кто тебе встретится» (Там же: 88).

У скифов было собственное имя – Базук (варианты – *Бызык, Бадзыга*).

Между тем, «базыг» – *осет.* рука от плеча до кисти, плечевая кость. В грузинских летописях сохранились имена двух осетинских (аланских) предводителей II в. н.э., имена которых – Базук и Амбазук (Абаев, 1958: 242).

В традиции осетин – внимательное отношение к младшим. Одно из подтверждений – преподношение им во время пиршества почётной части – *базыг*, подразумевающую правую плечевую кость, десницу. До сих пор нередко можно услышать от родителей – «*мае рахиз цонг*», «*мае рахиз къух*» – моя правая рука, моя десница, так обычно называют одного из детей (Джусойты 2006: 64). Правой рукой клянутся: «*Мае рахиз цонгы стæн*», т.е. клянусь своей правой рукой.

Таким образом, становится понятным, почему намеренно изуродованных пленных скифы не хоронили в могилах. Отсечение правой руки считалось у них признаком позорной смерти (Дюмезиль 1976: 45). Это понимание через нартовский эпос пережиточно сохранилось и в суеверных представлениях осетин.

Самым большим подвигом скифа-воина считалось отрубание головы противника. По ним скифы как бы отчитывались на общественных пирах, которые устраивали в каждом округу. Даже название одного из сарматских племён – *сæраппар* (букв. «отруби голову») говорит само за себя.

И у нартов отсечение головы врага считалось высшей доблестью воина, ибо эта часть тела считалась наиболее ценной. Насильник Елынаты Елой расправился с нартом Бзаром, отсекал ему голову и упрятал её. Когда труп без головы привезли в селение, нарты возмущенно сказали: «Если голову Бзара оставим в руках его врага, тогда мы сами должны считать себя мертвецами. Не может быть большего позора для нас, чем похоронить его изуродованным» (Сказания о нартах 1981: 375).

В сказаниях не раз встречаются выражения такого рода: «Ацамаз в походе отрубил голову у волка и дикого человека», «Батрадз отрубил голову великана» и т.д.

Выражение: «*Да ссэр дын атахын каендзынаен*» – да сделаю так, чтобы слетела твоя голова (да лишу тебя головы) – сохранилось в лексиконе осетин.

Скифам ничего не стоило выпотрошить животное и наполнить его брюхо сеном. «Нарт снял кожу с рогами с козла и затем эту кожу надел на себя и обманул великана», – говорится в сказании «Урузмаг и Кривой уаиг» (Сказания о нартах, 1981: 51). Судя по нартовскому эпосу, этим искусством сполна владели и нарты. В критический момент Сослан зарезал одного быка, выбросил его внутренности и вошел туда, хитростью проник в крепость Гур и победил неприятеля (Войска крепости Гур, 1927: 46). Отрубив противнику голову, нарты снимали с него кожу и надевали её на себя (Нарты 199: 40).

Из голов убитых в бою скифы шили шубы, изготавливали плащи, утиральники. Сдирание кожи с головы скифы производили следующим образом: «На голове делают кругом надрез около ушей, затем хватают за волосы и вытряхивают голову из кожи. Потом кожу очищают от мяса бычьим ребром и мнут её руками. Выделанной кожей скифский воин пользуется как полотенцем для рук, привязывает к уздечке своего коня и гордо щеголяет ею. У кого больше всего таких кожаных полотенец, тот считается самым доблестным мужем. Иные даже делают из содранной кожи плащи, сшивая их, как козьи шкуры (Геродот IV 1972: 202, 64). Этот древний обычай Марцеллин фиксирует позднее у алан, которые «ничем так не хвастаются, как убиением какого-нибудь человека, и в виде славных трофеев навешивают вместо украшения на своих боевых коней кожи, содранные с отрезанных голов убитых» (Античные источники о Северном Кавказе 1990: 163). По справедливому замечанию Э.А. Грантовского, указанное сообщение Марцеллина как бы служит связующим звеном между данными скифской эпохи и осетинского эпоса о нартах (Грантовский 1981: 73), доказывающим одновременно реальность перехода некогда «живого обычая», бытового явления в фольклорный мотив и его сохранение, «консервацию» в этом качестве. Перед нами скифо-алано-осетинская параллель, сохранившаяся в фольклоре осетин. Отзвук обычая находим и в кельтских легендах об Артуре. Король Риенте задумал «оторочить свою мантию бородой Артура. Великан украшает свой плащ бородами пятнадцати (убитых им). Автор «Истории бриттов» Голфрид Монмутский (XII в.) упоминает великана Ритона, который «из бород убитых им королей сделал себе меховой плащ и повелел Артуру», чтобы он тщательно выщипывал свою бороду и выщипанные им волосы доставил ему, и, так как Артур одолел других государей, то, воздавая ему почет, он уложил волосы с его бороды поверх всех остальных. В разыгравшемся поединке победу одержал Артур, который «захватил бороду своего противника вместе с добычей» (Гаглойти 2010: 591).

Этот обычай скифов и алан нашел яркое отражение в Нартиаде. Созырыко и Батрадз скальпируют своих врагов, как это делали скифы. По одному из вариантов Батрадз бросился на нартов, убил всех, а затем с трупов начал сдирать усы, отнёс их Сатане, чтобы она сшила из них шубу Урузмагу (Как нарты хотели опоить Урузмага 1925; 73).

Нартовское сказание «Шуба Сослана (Созырыко)» имеет два варианта. Задумавшить себе шубу из человеческих бород, Сослан убивал человека, сдирал его бороду, таким образом, он собрал на шубу из человеческих голов. Когда принёс этот «материал» к женщинам-мастерицам, то они опознали среди голов убитых своих родичей. Желая отомстить Сослану, девушки, по совету Сырдона, сказали ему, что

не хватает материала для воротника, для чего предложили заполучить золотую бороду Омара. По одному варианту, он хитростью победил Омара, и ему сшили нормальную шубу (Шуба Сослана 1927: 55–57), а по другому, Сослан сразился с великаном Мукара, победил его, отрубил ему голову, сдёрнул кожу с головы и посыпал её лекарствами. Сослан принес кожу домой, и нартовские девушки и невестки сшили из этой кожи воротник для его шубы (Нарты кадджытæ 1990: 173). Есть в эпосе и другие подобные сюжеты (Миллер 1 1992: 31–37). Аналогичный сюжет имеется в балкарских нартовских сказаниях (Мизиев 1986: 58). В одном вайнахском сказании Нарт-орстхоец просит девушку сшить для него шубу из скальпов убитых им семи её братьев (Эльмурзаев 1968: 78). В другом некий Ачамаз угнетал народ, убивал многих, а затем задумал сделать себе шубу из людских бород, и поэтому у каждого встречного сдирал бороду вместе с кожей. Как полагает Ю.С. Гаглойти, «сравнение нарт-орстхойских и осетинских нартских сюжетов о скальпировании, не оставляет никаких сомнений в существовании двух национальных версий одного и того же этнического мотива, являющегося отголоском скифо-аланского обычая скальпирования врагов (Гаглойти 2010: 365).

Таким образом, вышеприведенные материалы о скальпировании подтверждают мнение ученых о том, что в нартовском эпосе немало скифо-аланского наследия, но, вместе с тем, эпос уводит нас и в кавказский мир (Далгат 1957: 155). Подтверждается сказанное уникальной находкой Б.В. Техова в Тлийском могильнике – бронзовые пояса с живописными изображениями. На одном из них двое мужчин трапезничают за низким круглым столом, на другом – всадник с привязанным к поясу луком и колчаном со стрелами гонит перед собой оленей и коней, а на уздечке коня висит скальп с головы человека (Техов 1964: 283, 287, 293). По мнению археолога, такие погребальные памятники в Кобанском и Тлийском могильниках были оставлены племенными группами, входящими в ираноязычную этнокультурную общность и генетически связаны со скифским этносом (Техов 2006: 231).

Итоги военного предприятия скифы подводили один раз в году по округам: правитель устраивал обширный пир. Доблесть воина проверялась в походах и войнах. Наиболее счастливым оказывался тот, кто испускал дух в сражении. На добычу имел право только тот, кто убил врага. Поэтому головы убитых врагов скиф приносил царю, ведь только принесший этот трофей получает свою долю добычи (Геродот IV 1972: 64).

Когда принимались за трапезу, старшим подавали наполненный вином Кубок почёта. Как пишет Геродот: «Из этого сосуда пьют только те, кто убил врага. Те же, кому не довелось еще убить врага, не могут пить вина из этого сосуда и должны сидеть на стороне как опозоренные. Для скифов это постыднее всего. Напротив, тем, кто умертвил много врагов, подносят по два кубка, и те выпивают их разом» (Там же).

О высоком ритуальном значении чаши свидетельствует известная легенда о наличии её среди золотых предметов, упавших на скифскую землю.

У скифов и сарматов легендарная чаша служила символом жречества и *фарна*. Чаши, окладки которых украшались, напоминали сюжет о страшном драконе *Залиаг калм* с золотым тазом на голове (Чибилов 2008: 174).

Почётным сосудом у скифов была чаша из верхней части черепа; «бедняк обтягивает череп только снаружи сыромятной воловьей кожей и в таком виде пользуется им. Богатые же люди сперва обтягивают череп снаружи сыромятной кожей, а затем ее покрывают внутри позолотой. И употребляют вместо чаши. Так скифы поступают даже с черепами своих родственников, если поссорятся с ними...» (Геродот IV, 1972: 65). Параллели уводят в древнеиндийский мир. Индра делает себе чашу из черепа побежденного им дракона Вритры, а в систанской легенде Рустам убивает Белого Дива... и делает из черепа чашу для вина (Грантовский 1981: 74).

Использование черепов скифами и аланами в качестве чаш находит отзвук и в нартовском эпосе. В одном из сказаний говорится: «Раньше все нарты могли свободно снимать свои черепные крышки и затем ставить их обратно» (Сказания о нартах 1978: 85). Нарты оставались живы и после снесения черепа. Победив в схватке Челехсартага, Сослан съел ему полчерепа. Челехсартаг поднялся на небо, и Курдалагон сковал ему из меди новую крышку черепа (Сказания о нартах 1981: 151).

Обычай подачи почетного бокала жив и по сегодняшний день, только круг людей, который удостоивается этой чести, расширился: почётные и вообще гости, победитель трудового соревнования (*зу*), члены свадебной свиты и др. Что касается самой чаши, то в фольклоре осетин не сохранилось даже упоминания о том, что когда-то её могли изготавливать из человеческого черепа.

ЛИТЕРАТУРА

Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т.1, М.–Л., 1958.

Абаев В.И. Нартовский эпос // ИСОНИИ. Т.Х. Вып.1, Дзауджикау, 1945.

Абаев В.И. Осетинский язык и фольклор, М.–Л., 1949.

Античные источники о Северном Кавказе, Нальчик, 1990.

Вариант о нарте Созырыко и маленьком Тотрадзе // ПНТО. Вып.1, Вл., 1925.

Войска крепости Гур // ПНТО. Вып. 2, Вл., 1927.

Гаглойти Ю.С. Избранные труды. Т.1, Цхинвал, 2010.

Гатиев Б. Суеверия и предрассудки у осетин // ППКОО. Кн.3, Цх., 1987.

Геродот. История в девяти книгах. Перевод и примечания Г.А.Стратановского, Л., 1972.

Грантовский Э.А. О некоторых материалах по общественному строю скифов // Кавказ и Средняя Азия в древности и средневековье, М., 1981.

Грисвар Ж. Мотив меча, брошенного в озеро: смерть Артура и смерть Батрадза // Эпос и мифология осетин и мировая культура, Вл., 2003.

Гутов А.М. Народный эпос: традиция и современность, Нальчик, 2009.

Далгат У.Б. К вопросу о нартском эпосе у народов Дагестана // Нартский эпос, Ордж., 1957.

Джуссоев Н.Г. Осетинское застолье и скифо-нартское общество // Евразийская Скифия.

Дюмезиль Ж. Осетинский эпос и мифология, М., 1976.

Елагина Н.Г. Скифские антропоморфные стелы Николаевского музея // СЭ, 1959. №2.

Ирон таурæгътæ / Сост. Ш.Ф. Джикаев, Ордж., 1989.

История, культура и язык древнеиранских кочевников Евразии, Вл., 2006.

Как нарты хотели опойть Урузмага // ПНТО. Вып.1, Вл., 1925.

Латышев В.В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // ВДИ, 1949. №3.

Мизиев. И.М. Шаги к этнической истории Центрального Кавказа, Нальчик, 1986.

Миллер В.Ф. Осетинские этюды. Ч. I–III, Вл., 1992 (ротапринтное издание).

Мифологический словарь, М., 1991.

Нарты кадджытæ, Дзауджикау, 1995.

Нарты кадджытæ, Ч.1, Вл., 1990.

Осетинские нартские сказания, Дзауджикау, 1948.

Пир Урузмага // ПНТО. Вып.11. Вл., 1927

Прохорова Т.А. Некоторые аспекты идеологии сармато-алан (по материалам кургана 10 Кобяковского могильника // Античная цивилизация и варварский мир. Материалы 2-го археологического семинара. Ч. II, Новочеркасск, 1993.

Рид Г. Артур – король драконов. Варварские истоки величайшей легенды Британии, Вл., 2005.

Русяева М.В. Интерпретация изображения на Сахновской золотой пластине // Материалы международной конференции «Жречество и шаманство в скифскую эпоху», СПб., 1996.

Сказания о нартах – осетинский эпос, М., 1978.

Сказания о нартах, Ордж., 1989.

Сказания о нартах, Цхинвал, 1981.

Техов Б.В. Бронзовые пояса Центрального Кавказа // ИЮОНИИ. Вып. XIII, 1964.

Техов Б.В. Об археологическом подтверждении одного сообщения Геродота на бронзовом поясе из с. Тли // Евразийская Скифия. История, культура и язык раннеиранских кочевников Евразии, Вл., 2006.

Туаллагов А.А. Скифо-сарматский мир и нартовский эпос осетин, Вл., 2001.

Цагараев В.А. Золотая яблоня нартов, Вл., 2000.

Цагараев В.А. Золотая яблоня нартов // Дарьял, 1997, №1.

Чибиров Л.А. Традиционная духовная культура осетин, М., 2008.

Шарашидзе Ж. Индоевропейская память о Кавказе, Вл., 2004.

Шортанов А.Т. Адыгская мифология, Нальчик, 1982.

Шуба Сослана // ПНТО. Вып.2, Вл., 1927.

Эльмурзаев С.Ч. Общее и специфическое чечено-ингушского нарт-орстхойских сказаний в кавказском эпосе // ИЧИНИИ, Грозный, 1968.

Яценко С.Я. О преемственности мифологических образов ранних средневековых алан // ПЭО. Вып.2, Вл., 1992.

Сокращения:

Вл.– Владикавказ

ВДИ – Вестник древней истории

ИСОНИИ – Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского института

ИЮОНИИ – Известия Юго-Осетинского научно-исследовательского института

ИЧИНИИ – Известия Чечено-Ингушского научно-исследовательского института

М. – Москва

ПНТО – Памятники народного творчества осетин

ППКОО – Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах

ПЭО – Проблемы этнографии осетин

Ордж. – Орджоникидзе

СЭ – Советская этнография

ЭО – Этнографическое обозрение

КАУНАКҶА

Abaev V. İ. İstoriko-etimologičeskiy slovar osetinskogo yazıka. T.1, M-L., 1958

Abaev V. İ. Nartovskiy epos // İSONİİ. T.H. Vın.1, Dzaudjikau, 1945

Abaev V. İ. Osetinskiy yazık i folklor, M.-L.,1949.

Antichnie istočniki o Severnom Kavkaze, Nalçik, 1990.

Variant o narte Soziriko i malenkom Totradze // PNTTO. Vın.1 VI., 1925.

Voiska kreposti Gur // PNTTO. Vın. 2, VI., 1927.

Gagloyti Yu. S. İzbrannie trudi. T.1, Tsinval, 2010.

Gatiev B. Sueveriya i predrassudki u osetin // PPKOO. Kh.Z, Tsh., 1987.

Gerodot. İstoriya v devyati knigah. Perevod i primečaniya G. A. Stratanovskogo, L., 1972.

Grantovskiy E.A. O nekotoryh materialah po obşestvennomu stroyu skifov // Kavkaz i Srednyaya Aziya v drevnosti i srednevekovye, M., 1981.

Grisvar J. Motiv meça, broşennogo v ozero: smert Artura i smert Batradza // Epos i mifologiya osetin i mirovaya kultura, VI., 2003.

Gutov A. M. Narodny epos: traditsiya i sovremennost, Nalçik, 2009.

Dalgat U. B. K voprosu o nartskom epose u narodov Dagestana // Nartski epos, Ordj., 1957.

Cussoev N.G. Osetinskoe zastolye i skifo-nartskoe obşestvo // Evraziyskaya skifiya.

- Dyumezil J. Osetinskiy epos i mifologiya, M., 1976.
- Elagina N.G Skifskie antropomorfne steli Nikolaevskogo muzeya // SE, 1959. №2.
- İron taurægtæ / Sost. Ş. F. Cikaev, Orc., 1989.
- İstoriya, kultura i yazık drevneiranskih koçevnikov Evrazii, VI., 2006
- Kak nartı hotelı opoit Uruzмага // PNTÖ. Vıp.1 VI., 1925
- Latşev V.V. İzvestiya drevnih pisateley o Ckifii i Kavkaze // VDİ, 1949. №3.
- Miziev. İ. M. Şagi k etniçeskoı istorii Tsentralnogo Kavkaza, Nalçık, 1986
- Miller V.F. Osetinskie etyudı. Ç. I-III, VI., 1992 (rotaprintnoe izdanie).
- Mifologičeskii slovar, M., 1991.
- Nartı kadcıtæ, Dzauçikau, 1995.
- Nartı kadcıtæ, Ç.1, VI., 1990.
- Osetinskie nartsie skazaniya, Dzaydjikau, 1948.
- Pir Urazmaga // PNTÖ. Vıp. 11., 1927
- Prohorova T. A. Nekotorie aspektı ideologii sarmato-alan (po materialam kurgana 10 Kobıakovskogo mogilnika // Antiçnaya tsivilizatsiya i varvarskiy mir. Materialı 2-go ariologičeskogo seminarı. Ç. II. Novoçerkassk, 1993.
- Rid G. Artur – korol drakovov. Varvarskie istoki veliçayşeylegendı Britanii, VI., 2005.
- Rusaeva M. V. İnterpretatsiya izobrajenie na Sahnovskoy zolotoı plastine // Materialı mejdunarodnoı konferentsii “Jreçestvo i şamanstvo v skifskuyu epohı”, SPB., 1996.
- Skazanie o nartah – osetinskiy epoh, M., 1978.
- Skazanie o nartah, Ordj., 1989.
- Skazanie o nartah, Tsınval, 1981.
- Tehov B. V. Bronzovie poyasa Tsentralnogo Kavkaza // İYUONİİ. Vın. XIII, 1964.
- Tehov B. V. Ob arhiologičeskom podtverjdenii odnogo soobşeniya Gepodota na bronzovom poyase iz s. Tli // Evraziyskaya Skifiya. İstoriya, kultura i yazık ranneiranskih koçevnikov Evrazii, VI., 2006.
- Tuallagov A. A. Skifo-sarmatskiy mir i nartovskiy epos osetin, VI., 2001.
- Tsagaraev V. A Zolotaya yablonya nartov, vl., 2000.
- Tsagaraev V. A Zolotaya yablonya nartov // Daryal, 1997, №1.
- Çıbirov L. A. Traditsionnaya duhovnıya kultura oçetin, M., 2008.
- Şaraşidze J. İndoevropeyskaya pamyat o Kavkaze, VI., 2004.
- Şortanov A. T. Adıgskaya mifologiya, Nalçık, 1982.
- Şuba Soslana // PNTÖ. Vıp.2, VI., 1927.
- Elmurzaev S. Ç. Obşee i spetsifiçeskoe çeçeno-ınguşskogo nart-orsthoyskih skazaniy v kavkazkom epoh // İÇİNİİ, Groznıy, 1968.
- Yatsenko S. Ya. O preemstvennosti mifologičeskıh obrazov rannih srednevekovıh alan // PEO. Vın.2 VI., 1992.

Kısaltmalar:

VI. – Vladikavkaz

VDİ – Vestnik Drevney İstorii

İSONİİ – Severo – Osetinskogo Nauçno – İssledovatel'skogo İnituta

İYUONİİ – İzvestiya Yugo – Osetinskogo – İssledovatel'skogo İnituta

İÇİNİİ – İzvestiya Çeçeno – İnguşskogo Nauçno – İssledovatel'skogo İnituta

M. – Moskva

PNTÖ – Pamyatniki Narodnogo Tvorçestva Osetin

PPKOO – Periodičeskaya Peçat Kafkaza ob Osetii i Osetyah

PEO – Problemi Etnografii Osetin

Ordj. – Orconikidze

SE. – Sovetskaya Etnografiya

EO.